Илья Муромец и Издо́лище в Киеве

А подошло же Издолишшо проклятоё:
Да и длинноё Издолишшо, семисажонно,
Голова у Издолишша — как всё пивной котёл.
Да заходит Издолишшо светлую грыдьницю —
Он не спрашивал не дверей да не придверников,
Он не спрашивал ворот и не приворотников.
Да заходит Издолишшо светлую светлицю —
Да и Боґу Издолишшо не молиццэ,
Да и князю Владимеру целом не бьёт.
Говорит тут Издолишшо таково слово,
Говорит-то ведь он да со-й угрозами:
«Уж ты ой еси, Владимер да князь ты стольне-киевской!
Запрети-ко просить милостину Христа ради
Да и тем же каликам да перехожием,
Перехожием каликам, да переброжием!
Ише ты не уймёшь — дак я и сам уйму:
Я тебя же-то, князя, да под мець склоню,
А Апраксею-кнегину да за себя возьму,
Християнскую веру да облатыню всю,
Уж я Божьи-ти церкви да все под дым спушшу,
Я попов-патриархов да всех под меч склоню,
Как богатырей головушки повырублю
Да на копьиця головушки повысажу!»
Ише в эту ведь пору да и во то время
Как старого-то в Киеви не случилосе:
Как уехал старой-от да во цисто полё,
Да уехал он по полю поляковать.
Ише в ету ведь пору да и во то время
Да пришло как Издолишшо проклятоё
Ко тому же ко князю да ко Владимеру,
Да и к той же Апраксеи-королевисьни.
Да и село Издолишшо за дубовой стол,
Да и сел же Издолишшо на дубовой стул,
Посадил же Апраксею подле себя,
Да держи́т у Апраксеи руки в пазухи.

Запретил он просить милостину Христа ради.
Ише в эту ведь пору да и во то время
Да и князь-от Владимер да всё догадлив был —
Да пошол же по городу по Киеву.
Да настрецю идёт ему калика перехожая,
Перехожая калика, да переброжая.
Говорит тут Владимер, князь стольне-киевской:
«Уж ты ой еси, калика да перехожая,
Перехожая калика, да переброжая!
Ты пойки-ко, сходи да во чисто полё;
Не увидишь ле где старого Илью Муромца?
Как пушшай он приедёт да в красен Киев-град,
Как зашитит у нас да красен Киев-град!»
Ише тут-то калика да не-й ослушалась,
Да пошла же калика да во чисто полё.
Да идёт-то калика да по цисту полю —
Да настрецю калики-то старой едёт.
Как близко калика да подвигаицсэ,
А и низко старому да поклоняицьсе:
«Уж ты ой еси, старой казак Илья Муромец!
Как во городи во Киеви зло несчасьё есь:
Подошло как Издолишшо проклятоё —
А и длинноё Издолишшо, семисажонно, —
Запретило просить милостину Христа ради.
Да сидит оно во грыни во княжонецкоей
Да держит у Апраксеи руки в пазухи!»
Ише тут-то старому да за беду стало,
За великую досаду да показалосе —
Говорит тут старой-от да таково слово:
«Уж ты ой еси, калика да перехожая,
Перехожая калика, да переброжая!
Ты роздень мне-ка плать[и]цё калицькоё,
Ты возьми у мня платьё да бога[ты]рскоё!»
Ишше тут-то калика да не-й ослушалась:
Как роздела тут платьицё калицкоё,
Как одела тут платьё да богатырскоё.
Тут пошол же старой казак в стольне Киев-град.
Тут приходит ко городу ко Киеву —
Да и прямо идёт он к светлой светлици,

Да и прямо идёт он под окошечко.
Запросил он милостину Христа ради —
Со краю на край грыня да пошатиласе,
Все разныя напитки да росплескалисе,
Ище тут-то Издолишшо приужакнулось,
Тут спустило Апраксею-королевисьню.
Тут выскакиват Апраксея на красно крыльцо,
Да идёт-то к калики да перехожоей,
Ише низко Апраксея поклоняицьсе:
«Уж ты здрастуёшь, калика да перехожая,
Перехожая калика, да переброжая!
Заходи-ко, калика, да пообедати,
Хлеба-соли у нас да поотведати!
Как и князя-та в доми да не слуцилосе:
Да ушол князь Владимер по городу по Киеву
Запрещать-то просить милостыню Христа ради.
Как во городи у нас да непорядки есь —
А и всё у нас во городи не по-старому,
А и всё-то во городи не по-прежному:
Ишше есь у нас Издолишшо проклятоё!
Да сидит у нас во грыни во княжонецкоей,
Запрещаёт просить милостину Христа ради,
Ише князя Владимера хоцёт под мець склонить,
А меня, Апраксею, да за себя замуж взять,
А и Божьи-то церкви хочот под дым спустить,
Християнскую веру да облатынити,
А попов-патриярхов да всех под меч склонить,
Ише вас же, богатырей, головы повырубить,
Да на копьиця головушки повысадить!»
Ишше тут-то калики да за беду стало,
За великую досаду да показалосе.
Заходил тут калика да светлую светлицю,
Запросил он милостину Христа ради —
Ише тут-то Издолишшу не пондравилось:
А он брал же цинжалишшо булатноё,
Он и хоцёт шарнуть калику перехожую,
Перехожую калику, да переброжую.
Как попало цинжалишшо во белую грудь,
Как попало цинжалишшо в имянной-от крест —

Скользёнуло цинжалишшо да с имянна креста,
Как ушло оно в пецьку да всё муравлену,
Как ушло оно в пецьку да всё до черёна.
А как на это калика да всё догадлив был:
Да снимал он свою да шляпу греческу,
Не велику, не малу — да во сорок пудов —
Направлял он в Издолишша проклятого.
Увалилосе Издолишшо проклятоё,
Да и прямо увалилосе — простенком вон!
И тут же Издолишшу славы поют.

(Зап. А. Д. Григорьевым 22 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Петрова Артемия Егоровича, 35 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899-1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.